

ЛИНА КИРИЛЛОВЫХ

Так звали её собаку

Лина Кирилловых
Так звали её собаку

«Издательские решения»

Кирилловых Л.

Так звали её собаку / Л. Кирилловых — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967979-6

Самые верные и преданные друзья не обязательно должны уметь разговаривать. Быть похожими на человека. Или даже быть живыми.

ISBN 978-5-44-967979-6

© Кирилловых Л.
© Издательские решения

Так звали её собаку

Лиана Кирилловых

© Лиана Кирилловых, 2019

ISBN 978-5-4496-7979-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кулак летит в лицо Гниде, когда она снова гогочет над ошейником Тима – летит при всех, в коридоре, и мелкотня визжит, фрейлины ахают, Туша Лаевна, выплывающая из кабинета, роняет тетради и делает «леее», что у неё означает испуг, а может, возмущение. Тетради не наши – пятого «Б», и они ещё такие детские, смешные, что не должны валяться на исчерченных подошвами плитках: принцессы, волшебные лисы, драконы, автомобили с глазами, вся эта милая доверчивость, которую к девятому классу теряют. Я разбила костяшки пальцев. Губа у Гниды лопнула. Гнида тарачит глаза, ставшие от боли блестящими, и на белую блузку, приподнятую лживым лифчиком пуш-ап, падают красные капли. При виде крови фрейлины реагируют гадким ультразвуком. Горох свистит: «Вот это мясо». Он повидал достаточно домашних скандалов и знает, что мясо – драка совсем по-другому. Он не герой дурацких мелодрам, но хитрый эгоистичный гадёныш, поэтому мне странно, что он просачивается между мной и Гнидой, расставляя руки в стороны. «Брейк, тёлки. Хватит». Я не чувствую к нему благодарности. На гороховском конопатом лице, где прыщей, кажется, с яркими веснушками поровну, нет привычной ухмылки. Из Гороха рыцарь – как хороший человек из Гниды. Из меня.

– Да не трогаю я твою любовь, Горошек.

Это гнидины интонации и гнидины злые слова: превратиться в главную скотину класса проще, чем я думала. Осталось обесцветить волосы и перекрасить их в блонд. Научиться носить каблук, накладные ресницы и ногти, а ещё по часу перед выходом из дома марафетиться. Слишком много мороки – так что ну его к чёрту.

– Что?! – выдыхает Гнида.

– Что?! – Горох багровеет.

Ошейник обвивает мне запястье. Массивный для украшения, он всё же не повод, чтобы вызывать меня к директору, а вот драка – да. Но делает это не Туша: колыхаясь в приступе одышливого порицания, она лишь бестолково заполняет пространство. Худая длиннопалая лапа – Цапля – внезапно сжимает мёртвым холодом плечо. Что Цапля тут забыла, спрашивается: кабинет английского на третьем этаже.

Гнида с хлопаньем втягивает алые слюни.

– Ненавижу! – звенящим от плаксивого неверия голосом бросает она мне под ноги. И начинает реветь.

Так сносят с пьедестала памятник: эпоха падает, раскалываясь на куски, и бетонная пыль, от которой чешется нос и мерзко першит в горле – последнее, на что способна её власть, агония. Фрейлины растеряны настолько, что обрывают свои визг и вопли. В их однотипной прошивке есть подчинение главенствующей в стаде альфа-самке, но нет понятия, как это – плачущую альфа-самку утешать. Зато инстинкт, более древний, чем правила, начинает обозначать для них одно: слабая альфа – не альфа. Цапля наконец напоминает о себе:

– Девочка. Ты – чудовище.

Мелкотня жмётся кучкой у окон и свистяще шепчется.

День сырой и прохладный. Громада города тонет в жемчужном тумане. Света в еле различимых окнах нет. Теплосеть идёт вдоль окраины – огромные трубы с потрепанной изоляцией, кое-где расписанные граффити. Дорога у теплосети раскисла. Грязь и лужи требуют внимательности, но я смотрю за трубы, где, отделённые от нас широким объездным шоссе, стоят многоэтажки. Туман мешается, и не понять, двуногие ли там силуэты или просто столбы. Тим плетётся рядом. Он расслаблен и безразличен к тому, что заляпался почти по брюхо. Мне потом приводить его в порядок и чистить. Иногда Тим задирает голову и нюхает октябрьский воздух. Бродячие сородичи Тима воняют – их и я унюхаю, если кто окажется рядом. Но все они, скорее всего, в городе. Шатаются, сбившись в голодные стаи, месят размокшую землю газонов, рычат и дурно пахнут. Они кусаются. Их никто не моет. У них нет имен, и они никому не нужны, хотя когда-то было по-другому. Тим, прежде чем я нашла его в яме, тоже относился к бродячим. Он оскалился тупой голодной злобой, когда увидел меня на краю. Но отчего-то тут же успокоился. Хороший мальчик.

Я ем батончики-мюсли. Тим такое не жалуется. Пустые обёртки я складываю в карман. Можно было бы, конечно, сделать, как здешние недосапиенсы: по бокам узкой дороги валяются стеклянные банки, утонувшие в слякоти пакеты, окурки и какие-то тряпки – но зачем, когда даже на окраине городе найдётся контейнер для мусора. Тёплая осенняя парка позволяет спрятать зябнувший подбородок в ворот. Простуда у меня прошла, но флакончик с каплями, если что, в кармане. Упаковка бумажных платков, влажные салфетки, леденцы – лимонные – без сахара. Березы почти облетели и навевают тоску. Обращая золото в коричневый, дождь втаптывает листья в грязь. Под подошвами берцев чавкает песчаная жижа. Лес сбоку редкий, болотистый, и ветер несёт запах мха и кислятины. Если постоянно шагать, то мысли становятся редкими. Всплывают кусками, похожие на оглушённую рыбу. Тим тоже как-то думает. Мне никогда не понять, что именно у него в голове, но он, конечно, особенный. Удивительный. Друг.

Был бы он подобным мне, мы с ним бы вряд ли встретились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.